

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

MONGOLICA

К 750-летию
«Сокровенного сказания»

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1993

ББК 63.3
М61

Редакционная коллегия

*В.М.Солнцев (председатель),
Л.К.Герасимович, С.Г.Кляшторный (зам.председателя),
Е.И.Кичанов, А.Г.Сазкин, К.Н.Яковская*

Редактор издательства

С.М.Аникеева

Mongolica: К 750-летию "Сокровенного сказа-
М61 ния". — М.: Наука. Издательская фирма "Восточ-
ная литература", 1993. — 343 с.
ISBN 5-02-017395-9

Статьи сборника посвящены истории изучения древнейшего и уникального памятника монгольской письменности — "Сокровенного сказания", его значению как литературного и исторического памятника, его фонетической реконструкции и языковым особенностям. Ряд статей характеризует историографические, этнографические и фольклорные сюжеты, связанные с "Сокровенным сказанием".

М $\frac{0502000000-082}{013(02)-93}$ 26-92

ББК 63.3

ISBN 5-02-017395-9

© Издательская фирма
"Восточная литература"
ВО "Наука", 1993

С.Г.Кляшторный

ГОСУДАРСТВА ТАТАР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(дочингисова эпоха)

Едва ли не главный наш источник, освещающий историю нарбодов Центральной Азии в предмонгольское и монгольское время, — труд Рашид ад-дина "Джами' ат-таварих". Основное место там, естественно, занимает история создателей Монгольской империи, но отдельными пятнами, более или менее яркими, высвечиваются иные времена и иные племена.

Вот сведения о татарах, тех татарах, племена которых, по версии "Сокровенного сказания", полностью истребил Чингис: "Их имя издревле было известно в мире. От них отделились и многочисленные ветви... Места их кочевий, стоянок и юртов были определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Китая. Их же основное обитание (юрт) есть местность, называемая Буир-Наур. Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы" [РД, с. 101].

Итак, основной юрт татар находился вблизи озера Буир-нур, в Восточной Монголии. Но ведь упомянуты и какие-то другие юрты и другие ветви татар, издавна враждовавшие друг с другом. Далее рассказывается об их власти над монголами в дочингисова время. И неожиданно появляется экскурс в далекое прошлое татар и окружающего их мира: "Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и [вообще] ни одна тварь не была бы в состоянии противостоять им. И тем не менее, при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, — они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почетом [от других]. Из-за [их] чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами". Далее Рашид ад-дин добавляет, что ныне, т.е. в XIV в., по тем же причинам тюркские племена именуют себя монголами, "хотя в древности они не признавали этого имени" [РД, с. 102]. Наконец, еще одна знаменательная реминисценция из дочингисовой истории Центральной Азии: "Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя, — шесть" [РД, с. 103].

Рашид ад-дин предлагает свою этнологическую схему предмонгольской Центральной Азии, точнее, ее степной части, населенной преимущественно тюркскими племенами. Структурообразующими "конструкциями" схемы являются шесть татарских государств¹ ("каждое в отдельности имеет войско и своего государя"), главным из которых был буирнурский юрт. Уже в "глубокой древности" татары, несмотря на отсутствие единства и межплеменные распри, подчинили своей власти "до границ областей Китая" все племена и области. Подчинившимися племенами были — прежде других — "тюркские роды". Они стали именоваться татарами по названию господствующего племени. События эти относятся к столь давнему времени, что монголам тут еще места нет, ибо они "стали известны" только около "трехсот лет тому назад", т.е. в IX-X вв. Впрочем, как замечает Рашид ад-дин, "в древности монголы были [лишь] одним из племен из всей совокупности тюркских степных племен" [РД, с. 103].

Как мы видим, Рашид ад-дин разделяет этнополитическую историю степей Центральной Азии на три хронологических этапа: а) этап господства "тюркских степных племен", временные параметры которого не определены; б) этап подчинения тюркских племен татарами и превращения этнонима "татар" в общий политоним; временные границы — от "глубокой древности" до начала татаро-монгольских войн (XII в.); в) этап возвышения монголов и, после истребления татар, превращения этнонима "монгол" в общеимперский политоним (XII—XIII вв.).

Вместе с тем, как замечает Рашид ад-дин, силы и могущество татар были в свое время столь велики, что и поныне, т.е. в начале XIV в., от Китая до Дашт-и Кипчака и Магриба все тюркские племена называют татарами [РД, с. 103].

Если термины "тюркская эпоха (время)", "монгольская эпоха (период)" в исследовательской литературе уже давно стали привычными, то столь же генерализованное представление о "татарском периоде" в истории степей Центральной Азии не сложилось. Напротив, оно полностью интегрировалось в столь привычных стереотипах, как-то: "монголо-татарская эпоха", "монголо-татарское нашествие". Между тем схема Рашид ад-дина четко разделяет, противопоставляет и разводит во времени "татарский" и "монгольский" периоды.

Очевидно, что предложенная Рашид ад-дином историографическая концепция нуждается в очень обстоятельной фактологической проверке. К сожалению, в его тексте много недосказанного или сказанного намеком, много трудностей возникает при прочтении тех этнических терминов, топонимов

¹ Я вполне разделяю выводы Е.И.Кычанова о раннегосударственном характере объединений кочевых племен Центральной Азии в средние века ("улусы татаро-монголов XII в.", "чжурчжэни XI в." — см. [Кычанов, 1986, с. 97; Кычанов, 1990, с. 10-24]).

мов, собственных имен, которыми насыщен текст "Джами ат-таварих". Все это мешает оценке пространственно-временных параметров описываемых историком событий и ситуаций. Так, например, остается загадкой, где и когда существовали еще пять татарских владений-юртов, кроме буир-нурского? Поэтому здесь бесполезно привлечение иных источников, содержащих ранние сведения о татарах.

В 1960 г. С.И.Вайнштейн обнаружил в местности Хербис-Баары (Тува) не известную дотолее кыргызскую стелу с рунической надписью. Впоследствии эту надпись дважды издал А.М.Щербак². Памятник содержит эпитафию знатному воину по имени Кюлюг Йиге. Главным его подвигом, упомянутым в тексте, был поход на татар: "В свои двадцать семь лет, ради моего государства, я ходил на токуз-татар".

В 1976 г. Л.Р.Кызласовым была обнаружена в Хакасии, близ р. Уйбат, стела с рунической надписью (девятый памятник с Уйбата), изданной И.Л.Кызласовым, а затем повторно прочтенной и интерпретированной мною [Кызласов, 1987, с. 21–22; Кляшторный, 1987, с. 33–36]. В первой строке этой надписи упомянут "татарский враждебный эль" и сообщается о выплате татарами дани или контрибуции.

Когда и где енисейские кыргызы вели успешные войны с татарами?

Впервые упоминает татар (отуз-татары) самая крупная из известных рунических надписей – памятник в честь Кюль-тегина (732 г.). Один раз они названы там в связи с похоронами первых тюркских каганов, т.е. событиями второй половины VI в. [КТБ, с. 4]. Второй раз они упоминаются той же надписью и под тем же названием (отуз-татары) в качестве врагов отца Кюль-тегина, Ильтерес-кагана (ум. в 691 г.). Тогда татары вместе с кыргызами поддерживали токуз-огузов, воевавших с тюрками [КТБ, с. 14]. В 723–724 гг. татары (токуз-татары) вместе с токуз-огузами восстают против Бильге-кагана, как о том свидетельствует другая руническая стела с эпитафией старшему брату Кюль-тегина [БКБ, с. 34]. Последний раз в орхонской рунике татары (токуз-татары) упомянуты в надписи из Могон Шине Усу, эпитафии уйгурскому Элетмиш Бильге-кагану (760 г.) [Рамstedт, 1913, с. 17]. Вместе с огузскими племенами татары в конце 40-х годов VIII в. восстают против уйгурского кагана и терпят поражение. Таким образом, в конце VII – первой половине VIII в. татары придерживаются той же политической ориентации, что и кыргызы, и являются их прямыми или эвентуальными союзниками.

Заметим, что в ситуации VI–VII вв. союз татарских племен назван в орхонских надписях "тридцатью татарами" (отуз-татары), а в середине VIII в., как и в енисейской надписи из Хербис-Баары, они названы "девятью татарами" (токуз-татары). Не исключено, что в изменении названия

² Об обстоятельствах находки и местоположения стелы см. теперь [Васильев, 1963, с. 33–34]. См. также [Вайнштейн, 1963, с. 41–45; Щербак, 1961, с. 238–241; Щербак, 1964, с. 145–149].

отражен распад первоначальной группировки татарских племен, но для нас не менее примечательно, что упомянутые енисейской надписью события происходили не ранее второй половины VIII в. Впрочем, и по палеографическим особенностям обе кыргызские стелы не относятся к числу ранних енисейских памятников, датируемых первой половиной VIII в. [Кляшторный, 1976, с. 258–267].

Обратимся теперь к сообщениям китайских источников о татарах. Прежде всего отметим, что в составе Уйгурского каганата (744–840) татары были одним из вассальных племенных союзов; по словам китайского автора XII в. Ван Минцзи, тогда "татары были пастухами коров у уйгуров" [Кычанов, 1980, с. 143]. Кыргызы же, отброшенные уйгурами в 756 г. за Саяны, незадолго до 840 г. появились к югу от Танну-Ола. Тем самым определяется нижняя дата кыргызско-татарской войны. В связи с событиями 842 г. татары впервые упомянуты в китайском источнике – письме китайского чиновника Ли Дэюя – как враги кыргызов и союзники последнего уйгурского кагана [Пеллио, 1929, с. 125–126]³.

Главным направлением отступления уйгуров, разгромленных кыргызами в Северной Монголии, были Ганьсу и Восточный Туркестан. Именно на этом направлении их преследовали кыргызы. Ли Дэюй, который вел в 842 г. в пограничной крепости Тяньдэ переговоры с кыргызским посольством, сообщает, что, по словам главы посольства, кыргызского "генерала" Табу-хэцзу, кыргызы пришли на "старые уйгурские земли" на р. Хэлочуань, т.е. в верховья Эцзин-гола, и им подчинились Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык) и дада (татары). Это первое и единственное упоминание о военном столкновении кыргыз и татар, случившемся где-то в Ганьсу или Восточном Туркестане и завершившемся признанием татарами кыргызского сюзеренитета, иначе говоря, выплатой дани [Цай Вэньшэнь, 1967, с. 148]. В следующем (843) году Табу-хэцзу (в ряде источников он именуется также Чжу'у-хэсу) возглавил первое кыргызское посольство к императорскому двору [Супруненко, 1963, с. 67–69].

В 1915 г. в долине р. Тес (Северо-Западная Монголия) Б.Я. Владимирцов обнаружил наскальную руническую надпись, повторно исследованную и прочтенную нами в 1975 г. Надпись содержала имя, которое после нового просмотра надписи в 1989 г. я читаю как *Török Alp Sol* (ср. [Кляшторный, 1978, с. 154]). По консультации С.Е. Яхонтова, китайская передача имени кыргызского военачальника Табу-

³ Относительно этнической принадлежности татар, упомянутых в орхонских надписях, П.Пеллио замечает: "Допустимо, что они уже тогда были монголоязычны: впрочем, титулатура и номенклатура татар в XII в. сохраняли следы тюркского влияния" [Пеллио, 1949, с. 232–233]. Вполне оправдан, однако, скепсис некоторых современных исследователей по поводу самой возможности достоверных этнических определений крупных племенных сообществ древней Центральной Азии [Мункуев, 1975, с. 91; Жэлэ, 1979, с. 73].

хэцзу есть несколько небрежная транскрипция тюркского *Töriyk Alp Sol.* Судя по содержанию надписи, которая теперь может быть датирована серединой IX в., она маркировала центр новых земельных владений кыргызского вельможи, полководца и дипломата, которые стали его юртом после изгнания уйгуров и овладения севером Монголии. Так совпали до мелочей сведения из отчета китайского дипломата и из эпиграфий кыргызским участникам южного похода⁴. Впрочем, кыргызам не было суждено удержать земли на "уйгурской дороге" в Таримский бассейн, важном участке Великого Шелкового пути. Еще до 875 г. ганьчжоуские уйгуры восстановили здесь свое господство [Малявкин, 1983, с. 109, 111].

Владение татар в Западном крае, столь далеко от их коренных земель в Восточной Монголии, появилось до падения Уйгурского каганата. Во всяком случае, в колофоне пехлевийского манихейского сочинения "Махр-намаг", переписанного в Турфане между 825–832 гг., среди местных вельмож упомянут и глава татар (*tatar apa tekin*) [Мюллер, 1913, с. 9]. А много позднее, в конце X в., китайский посол к уйгурскому идикуту, Ван Яньдэ, узнает в Турфане о другом китайском чиновнике, побывавшем там, — посольству к уйгурам предшествовало посольство к татарам [Малявкин, 1974, с. 90]. Дипломатическая активность была не частой, но обоюдной. Между 958 и 1084 гг. упомянуты три посольства к различным китайским дворам, совместно отправленные государями ганьчжоуских уйгуров и ганьсуйских татар для заключения военного союза против тангутов [Малявкин, 1974, с. 63–86; Малявкин, 1983, с. 75; Пинкс, 1968, с. 130]. Важное дополнение к этим известиям содержится в двух китайских манускриптах 965 и 981 гг. из пещерной библиотеки в Дуньхуане. Там прямо сказано, что центр государства татар был в Сучжоу, т.е. на границе Ганьсу и Восточного Туркестана [Гамильтон, 1955, с. 89–90]. Об этих же татарах сообщают хотано-сакские документы IX–X вв. [Бейли, 1939, с. 38; Бейли, 1949, с. 49]. В "Худуд ал-'алам", анонимной персидской географии X в., татары упомянуты как соседи и союзники тогузгузов, т.е. уйгуров, а Восточный Туркестан назван "страной тогузгузов и татар" [Минорский, 1937, с. 47]. Весьма важны упоминания "чиновного лица (амга)", который "пришел от татар", в деловых письмах из Дуньхуана на тюркском и согдийском языках (конец IX–X вв.), недавно интерпретированных Дж. Гамильтоном и Н. Симс-Вильямсом (доклад на Центральноазиатской конференции в Лондоне, 1987 г.).

Наряду со сведениями указанных источников о татарском государстве в Ганьсу — Восточном Туркестане имеется еще свидетельство эпистолярного источника XI в. Письмо тангутского государя Юань-хао, отправленное Сунскому двору в 1039 г., содержит декларацию о новых границах Тангут-

⁴ Сообщения о первом после крушения Уйгурского каганата контакте кыргызов с танским чиновником исследованы Г.П. Супруненко [Супруненко, 1974, с. 243] и А.Г. Малявкиным [Малявкин, 1983, с. 101].

ского государства, весьма мало соответствующую действительной ситуации. Юань-хао хвастливо заявляет о добровольном подчинении ему туфань (тибетцев), тата (татар), чжанье (ганьчжоуских уйгур) и цзяохэ (турфанских уйгур), т.е. всех соседних Си Ся владений, расположенных в Ганьсу и Восточном Туркестане или обладавших там какими-либо землями [Кычанов, 1968, с. 134].

В домонгольскую эпоху, во всяком случае в X–XII вв., этноним "татары" был хорошо известен не только в Средней империи, но также в Средней Азии и Иране. Так, наряду с караханидскими тюрками, татары достаточно часто упоминаются в стихах известнейших персидских поэтов. Газневидский поэт Абу-н-Наджм Манучихри (XI в.) пишет о красивом юноше с "тюрко-татарским обликом"; для других его современников обычной метафорой было "благоухание тысяч татарских мускусов", а имам Садр ад-дин Харрамабади (XI–XII вв.) в касиде, посвященной султану Искандеру, упоминает некоего "татарина" [Браун, ч. 1, с. 166, 169, 202; Ворожейкина, с. 26].

Итак, в IX–XII вв. на территории Ганьсу и в Восточном Туркестане существовало государство татар, известное и китайским дипломатам, и мусульманским купцам. Все же сведения об этом государстве казались южносунскому ученому и чиновнику Ли Синьчуаню (1166–1243) столь необъяснимыми, что вызвали следующее замечание: "Два государства жили на востоке и западе, и обе страны глядели друг на друга на расстоянии в несколько тысяч ли. Не знаем, по какой причине их объединяют и они получили единое наименование" [Кычанов, 1980, с. 145]. До сих пор эта сентенция Ли Синьчуаня оставалась непонятой⁵.

Вряд ли пока возможно столь же определенно локализовать другие татарские государства, упомянутые Рашид ад-дином⁶. Но его информированность о предмонгольской эпохе в истории татар, вопреки сомнениям В.В.Бартольда [Бартольд, с. 559], ныне очевидна⁷. Недаром компетентный источник XI в. называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном "Татарской степью" [Мах-

⁵ Впервые на цитированное место у Ли Синьчуаня обратил внимание выдающийся китайский ученый Ван Говэй (1877–1927). Его замечания к труду Ли Синьчуаня "Цзянь-янь и-лай чао-цзи" ("Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] периода [правления] Цзянь-янь (1127)") переведены и изданы Н.Ц.Мункуевым [Мункуев, 1975, с. 51–52].

⁶ Возможно, что ключ к поиску иных территорий расселения татар в X–XII вв. содержится в упоминании Ли Синьчуаня о "границах татар" от Линьхуана (совр. Сира-Мурен) на востоке до границ Си Ся на западе и от Цзинчжоу на юге (близ г.Гуйжуаэн в Суйюани) до киданей на севере [Мункуев, 1975, с. 51]. Если эти указания верны, то все "шесть татарских юртов", упомянутых Рашид ад-дином, занимали большую часть степной и горно-степной зоны Монголии и Северного Китая.

⁷ О соотношении труда Рашид ад-дина с прочими источниками, освещающими доцинговский период истории монголов, см. [Амбис, 1970, с. 125–133].

муд Кашгарский, с. 159], — точно так же южнорусские и казахстанские степи именовались тогда мусульманскими авторами "Дашт-и Кипчак" ("Кыпчакская степь"). Название "Татарская степь" хорошо согласуется с другими сведениями о расселении татар в IX–X в. и объясняет, почему столетие спустя монголы, занявшие то же пространство, в тюркской и мусульманской среде, как и в Китае, именовались татарами. Это тюркское обозначение монголов привилось не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси, и в Западной Европе, вопреки тому, что сами монголы себя татарами не называли⁸.

Кыргызско-татарская война 842 г., участником которой был герой енисейской рунической надписи Кюлюг Йиге, стала отражением новой ситуации в Центральной Азии, определявшейся в IX–X вв. взаимоотношениями кыргызов, татар и киданей, прежних аутсайдеров, занявших тогда политическую авансцену.

Амбис, 1970. — *Hambis L. L'histoire des Mongols avant Gengis-khan d'après les Sources chinoises et mongoles, et la documentation conservée par Rasïdu-d-'Dïn.* — CAJ. 1970, vol. XIV.

Бартольд. — *Бартольд В.В. Татары.* — Сочинения. Т. V. М., 1968.

Бейли, 1939. — *Bailey H.W. Turks in Khotahese Texts.* — JRAS. 1937, pt I.

Бейли, 1949. — *Bailey H.W. A Khotanese Text Concerning the Turks in Kantsou.* — AM. NS. Vol. 1. 1949, t. 1.

БКБ — Большая надпись в честь Бильге-кагана (текст по: *Малов С.Е.*

⁸ В китайской политической и историографической традиции начиная с сунского времени решительно преобладало поименование монголов татарами. Даже в тех случаях, когда для служащих сунских военных и дипломатических ведомств не было сомнений, как в самом деле надлежит именовать новых соседей империи, тексты редактировались желательным образом и этноним "монгол" заменялся либо на *да-да* "татарин", либо на *мэн-да* "монголо-татары". Очень показателен в этом смысле факт, приводимый Ли Синьчуанем: "Когда монголы (*мэн-жэнь*) вторглись в государство Цзинь, [они] назвали себя Великим Монгольским государством (*да мэн-гу го*). Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией (*мэн-гу*)". Позднее последнее название было заменено на *мэн-да* [Мункуев, 1975, с. 123]. Подобные замены были обязательны для официальных текстов даже при описании непосредственных контактов. Так, в отчете сунского посольства 1211–1212 гг., недавно опубликованном Г. Франке, монголов последовательно именуют татарами [Франке, 1981, с. 170 и сл.]. Еще более показателен случай, приводимый автором "Мэн-да бэй-лу". По его словам, Мухали, наместник Чингис-хана в Северном Китае (го-ван Мо-хоу), каждый раз сам называл себя "мы, татары" [Мункуев, 1975, с. 53]. Ван Говэй, комментируя это место, замечает, что здесь просто употреблено то название монголов, которое было принято китайцами. Естественно, что Мухали, происходивший из племени джалаир, никак не мог называть себя татаринном [Мункуев, 1975, с. 135].

- Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959).
- Браун, 1906. — *Browne E.C.* The Lubabu 'l-Albab of Muhammad Awfi, 1961. London-Leiden, 1906.
- Васильев, 1983. — *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических надписей бассейна Енисея. Л., 1983.
- Вайнштейн, 1963. — *Вайнштейн С.И.* Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары. — УЗТНИИЯЛИ. Вып. 10. Кызыл, 1963.
- Ворожейкина, 1971. — *Ворожейкина З.Н.* Диван Манучихри. — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968. М., 1971.
- Гамильтон, 1955. — *Hamilton J.R.* Les Ouighours à l'époque des Cing dynasties d'après les documents chinois. P., 1955.
- Жэля, 1979. — *Geley J.-Ph.* L'ethnonyme mongol à l'époque préçinggis-qanide (XIIe s.). Etude d'ethnologie politique du nomadisme. — Etudes Mongoles. Cahier 10. P., 1979.
- Кляшторный, 1976. — *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников). — *Turcologica: К семидесятилетию академика А.Н.Кононова*. Л., 1976.
- Кляшторный, 1978. — *Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии. — Тюркологический сборник 1975. М., 1978.
- Кляшторный, 1987. — *Кляшторный С.Г.* Девятая надпись с Уйбата. — Ст. 1987, № 1.
- КТБ. — Большая надпись в честь Кюль-тегина (Текст по: *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951).
- Кызласов, 1987. — *Кызласов И.Л.* Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины (Новый рунический памятник на Среднем Енисее). — Ст. 1987, № 1.
- Кычанов, 1968. — *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
- Кычанов, 1980. — *Кычанов Е.И.* Монголы в VI — первой половине VII в. — Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
- Кычанов, 1986. — *Кычанов Е.И.* О татаро-монгольском улусе XII в. — Восточная Азия и соседние территории в средние века: История и культура народов Азии. Новосибирск, 1986.
- Кычанов, 1990. — *Кычанов Е.И.* О ранней государственности у киданей. — Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990.
- Малаевкин, 1974. — *Малаевкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.
- Малаевкин, 1983. — *Малаевкин А.Г.* Уйгурские государства в IX—XII вв. Новосибирск, 1983.
- Махмуд Кашгарский. — *Mahmud al-Kasgari.* Compendium of the Turkic Dialects. Edited and Translated by R.Dankoff and J.Kelly. Pt I. 1982 (Harvard University Sources of Oriental Languages and Literatures, 7).
- Мункуев, 1975. — Мэн-да бэй-лу. Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. Н.Ц.Мункуева. М., 1975 (Памятники письменности Востока. XXVI).
- Минорский, 1937. — *Minorsky V.* Hudud al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. L., 1937.

- Мюллер, 1913. — *Müller F.W.K.* Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Mahnâmâg). В., 1913.
- Пеллио, 1929. — *Pelliot P.* L'édition collective des oeuvres de Wang Kuo-wei. — TP. 1929, vol. 26.
- Пеллио, 1949. — *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. P., 1949 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, II).
- Пинкс, 1968. — *Pinks E.* Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit. Wiesbaden, 1968.
- Рамстедт, 1973. — *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. — JSFOu. 1913, vol. XXX, N° 3.
- РД. — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.—Л., 1952.
- Супруненко, 1963. — *Супруненко Г.П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами. — Изв. АН Кирг.ССР. Сер.обществ.наук. Т. I. Вып. 1. 1963.
- Супруненко, 1974. — *Супруненко Г.П.* Некоторые источники по древней истории кыргызов: — История и культура Китая. М., 1974.
- Франке, 1981. — *Franke H.* A Sung mbassy of 1211—1212: the Shih-Chin-lu of Ch'eng Cho. — BEFEO. 1981, t. LXIX.
- Цай Вэньшэнь, 1967. — *Tsai Wen-shen.* Li Tê-yü 'nün mektuplarina göre uygurlar (840—900). Taipei, 1967.
- Щербак, 1961. — *Щербак А.И.* Новая руническая надпись на камне. — УЗТНИИЯЛИ. Вып. IX. 1961.
- Щербак, 1964. — *Šerbak A.* L'inscription runique d'Oust-Elégueste (Touva). — UAJ. 1964, vol. 35.